

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

ОЧЕРК ТЕОРИИ АФФЕКТИВНОСТИ

© 2004 г. А. Н. Леонтьев

Научный путь А.Н. Леонтьева начался сразу после завершения его учебы на философском отделении факультета общественных наук Московского университета (1921–1923 гг.), где он специализировался в области психологии. В студенческий период А.Н. Леонтьев проявлял особый интерес к проблеме эмоций, которой была посвящена его дипломная работа, выполненная под руководством Г.И. Челпанова. С 1 января 1924 г. А.Н. Леонтьев работает в Психологическом институте, который возглавлял Челпанов, на правах внештатного сотрудника (его оставили в институте “для подготовки к профессорской деятельности”). А.Н. Леонтьев работал фактически под руководством пришедшего в Институт годом раньше А.Р. Лурия, заведовавшего лабораторией исследования аффективных реакций. В этой лаборатории занимались изучением времени и интенсивности моторных реакций при различных функциональных состояниях, в частности в условиях аффекта. Как позже вспоминал Лурия, Леонтьев стал “его руками”, обнаружив незаурядную изобретательность в техническом обеспечении экспериментов, при проведении которых экспериментатор мог даже не присутствовать.

А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьеву удалось провести ряд исследований, имеющих отношение к “жизненной психологии” и непосредственное практическое применение. В них изучались особенности аффективных реакций, возникающих в стрессовых условиях (например, при подготовке студентов к экзаменам). Используемая в этих исследованиях методика получила известность под названием “сопряженной моторной методики А.Р. Лурия”. Совместные публикации А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьева конца 1920-х гг. – статья “Исследование объективных симптомов аффективных реакций” (1926) и обобщающее исследование “Экзамен и психика” (1929) – в большей мере отражали интересы и взгляды А.Р. Лурия.

Мы впервые публикуем начало теоретической рукописи А.Н. Леонтьева “Очерк теории аффективности”, датированной 1925 годом, т.е. писавшейся параллельно с экспериментальными исследованиями под руководством А.Р. Лурия. Машинописная рукопись, хранящаяся в архиве А.Н. Леонтьева, неполна; ее последняя страница заполнена до конца, но и текст оборван на середине фразы. К сожалению, нет данных об изначальном объеме рукописи и количестве утраченных страниц. Из содержания текста понять это невозможно; не исключено, что объем утраченной части превышает объем сохранившейся.

А.Н. Леонтьев, насколько нам известно, не предпринимал попыток публикации этой работы. Она представляет собой интерес не столько с точки зрения содержащихся в ней новых научных идей (их время тогда еще не пришло), сколько с точки зрения стиля и способа мышления ее автора. В этом тексте 22-летний А.Н. Леонтьев уже в полной мере демонстрирует присущий ему отточенный и неспешный методологический анализ, являющийся характерной узнаваемой приметой его более поздних работ. Он уже созрел и готов для решения серьезных проблем; осталось только их найти. Идеи Л.С. Выготского, знакомство с которым состоялось примерно в это же время, упали на подготовленную почву...

А.А. Леонтьев, Д.А. Леонтьев

§ 1

Учение о “чувствованиях”, “эмоциях”, учение об **аффективности** в широком смысле этого слова – это область психологии, хотя и представляющаяся многим авторам центральной по своему значению, но, по всеобщему признанию, наименее разработанная. “Эмоции суть не только самые важные факторы индивидуальной жизни, но они также представляют собой самые могущественные естественные силы, какие мы только знаем. Каждая страница истории народов, как и отдельных лиц, свидетельствует об их непреодолимой власти. Бури страстей погубили более жизней и разрушили более стран, чем ураганы; их потоки потопили гораздо более городов, чем наводнения, а потому нельзя не находить странным, что они не вызвали большего рвения для изучения их природы и сущности. Тогда как с необык-

новенным упорством старались понять причины всех великих сил природы, чтобы выяснить способ их действия и затем овладеть ими, в то же время изучением гораздо более важных сил, тех, которые касаются так близко нашей внутренней и личной жизни, – совершенно пренебрегают, и мы едва можем рассчитывать на то, чтобы составить лишь поверхностное представление об условиях их деятельности и истинной природе”¹. Эти строки, написанные одним из авторов знаменитой сосудо-двигательной теории эмоций – Ланге, может быть в несколько преувеличенном виде рисуют недостаточность научной психологии того времени.

Эта недостаточность скорее проистекала не из пренебрежения к самой проблеме чувствований, а из отсутствия необходимых методологических

¹ Ланге Г. Душевные движения. СПб, 1896. С. 14.

предпосылок. Старая эмпирическая психология, пытаясь овладеть законами “психической жизни” человека, т.е. в конечном счете его *поведением*, строила всю свою систему на основе изучения отдельных элементов психофизиологических процессов. Желая идти от простого к сложному, от частного к общему, она в действительности исходила от искусственно образованных элементов и, конечно, никогда не могла поэтому приблизиться к сущности понимаемых процессов. То, что представляется психологу прежней школы простейшим элементом, нередко оказывалось в итоге сложным образованием, продуктом действия множества перекрещивающихся сил. Доставляя огромный фактический материал, эмпирическая психология не смогла правильно его оценить и использовать, в частности, не смогла подойти к единой концепции чувствований. Сами определения чувствований оставались неясными и несовершенными; чувство обычно определяли как “функцию духа” (Бэн), “стремление к чувствованию” (Джемс, Вундт, Рибо), «определенность переживаемого “я”» (Липпс) и в лучшем случае как “сознание изменений в нервно-сосудистой системе” (Ланге).

Подобные определения, носящие более или менее бессодержательный характер, вызывали и соответствующий произвол в терминологии. Одни и те же процессы нередко относились различными авторами к самым разнообразным категориям; они то объединялись в сложные группы, то тщательно дифференцировались; границы таких понятий, как аффект и чувство, чувствование и эмоция, аффект и инстинкт, оказывались реально не существующими. И мы знаем научные труды, где глава об эмоциях с роковой последовательностью повторяет предыдущую главу, посвященную инстинктам...

Некоторые психологи (Титченер)² видели в этой господствующей неопределенности лишь результат недостаточного научного анализа самих явлений, что едва ли, конечно, могло быть возможным, особенно после появления таких исследований, как работа Вундта, Джемса, Ланге, Рибо, Сержи, Лемана и других. Очевидно, что причина лежит здесь не в недостаточности **анализа**, а в самом подходе к изучаемым процессам.

Всякий психофизический процесс, совершающийся в организме человека, может нами рассматриваться с двух сторон: мы можем изучать объективную его сторону и сторону субъективную. Так, некоторые процессы А и В могут сознаться нами как совокупности элементов *a, b, c* и *a, f, g*, причем эти отдельные компоненты будут в той или иной мере соответствовать действительному

содержанию А и В. Эмпирическая психология, изучая психологические процессы, и рассматривала, главным образом, такие изолированные компоненты, связывая или не связывая их с соответствующими физиологическими процессами. Далее, в результате известной классификации образовывались группы субъективно схожих элементов, почерпнутых в самонаблюдении, которые и составляли содержание различных психологических понятий. Общий обоим нашим процессам элемент *a*, привлекая наибольшее внимание психолога, выделялся как **основной**, и с этой точки зрения трактовалось все явление в целом. Словом, происходило нечто подобное тому, как если бы врач, изучая различные болезни и натолкнувшись на явление повышения температуры человеческого тела, объявил бы его специальным заболеванием, т.е. принял бы известный *симптом*, лишь характеризующий некоторый процесс, за самую его сущность и в соответствии с таким наблюдением построил бы свою классификацию.

Настаивая на ошибочности основных предпосылок старой эмпирической психологии, мы, однако, ни в какой мере не склонны отрицать ее величайшего значения в общей системе знаний о человеке, ни, тем более, ее значения для развивающейся новой **психологии как науки о поведении**. Ее громадный по объему эмпирический материал должен полностью найти свое место в новых системах; без этого они окажутся так же оторванными от жизни, как и этот изолированный материал, замкнутый в старых психологических учениях. Не имея возможности в предлагаемом кратком очерке заниматься историей нашего вопроса, мы, однако, все же попытаемся отметить основные направления в изучении тех процессов, которые обычно называют эмоциональными или аффективными.

Существующие воззрения на природу и роль чувствований можно без труда схематически разбить на три главнейших направления.

Одну из таких групп составляют теории интеллектуалистические, выросшие на почве рационализма, крупнейшей представительницей которых можно считать теорию Гербарта. По учению Гербарта³, наши чувства удовольствия или неудовольствия обусловлены течением наших представлений, причем угнетенность их (депрессия) составляет отрицательно окрашенные переживания, а устранение этого состояния (подъем) — переживания, окрашенные положительным чувственным тоном. Таким образом, аффективные состояния по учению интеллектуализма возникают лишь в результате определенного взаимодействия представлений и тем самым всецело подчинены сознанию. Эта концепция аффективности, ос-

² Титченер. Учебный психологический университетский курс. 1914. Т. II. § 44. С. 157.

³ Гербарт. Учебник психологии. СПб., 1895.

париваемая целым рядом психологов (например, Рибо, Дюма и др.), основывается на следующем могущим быть эмпирически установленным положении: задержка в течении представлений (ассоциаций) – субъективно оценивается нами отрицательно, наоборот, повышенная ассоциативная деятельность оценивается нами положительно. Однако Гербарту как типичному представителю “атомистической” точки зрения в психологии, продолжателю идей английского философа XVII в. Локка, а за ним и всей его школе не удалось правильно подойти к объяснению этого явления. Пытаясь построить всю психическую деятельность на основе сочетания простейших элементов, каковыми и считались отдельные представления, Гербарт слишком далеко отошел от возможности правильной физиологической и биологической оценки аффективных состояний.

Сенсуалистическое воззрение на природу чувств нашло свое блестящее выражение в теории Джемса–Ланге. Эта теория, уже предвосхищенная ранее Мальбраншем и имевшая так же много сторонников (Рибо, Сержи, Мейнерт, Полан), как и противников (Пьерон, Ф. Франк, П. Соллье и др.), рассматривала эмоции как совокупности простейших ощущений и, в конечном счете, сводила их механизм к явлениям **анемии** или **гиперемии** нервных центров. В противоположность Бергсону, Ланге, как и Джемс, на первое место ставит чисто физиологические процессы. Так, радость по известной схеме Ланге есть ни что иное, как пассивное сознание ощущений, связанных с увеличением произвольной иннервации и с расширением кровеносных сосудов; печаль рассматривается как комплекс ощущений, вызванных уменьшением произвольной иннервации и сжатием кровеносных сосудов; страх – как комплекс ощущений, вызванный теми же процессами плюс спазмы органических мускулов. Следует заметить, что главная роль во всех этих процессах приписывалась изменениям в сосудистой схеме, а не нервно-мускульным явлениям, которые сами могут оказаться зависимыми от этих изменений.

Наиболее серьезные возражения против этой теории выдвигались со стороны физиологов. Любопытные опыты Шеррингтона⁴ с перерезыванием шейной части спинного мозга у собаки, благодаря чему исключается возможность всякой связи между полушариями головного мозга и сосудами грудобрюшной области, т.е. достигается полная изолированность бульбарного сосудодвигательного центра, показали, что и в том случае, когда сосудодвигательная реакция уже невозможна, эмоциональная возбудимость животного (разумеется, если о ней можно судить по чисто внешним

проявлениям) сохраняется. Это, как и многие другие возражения со стороны физиологов и психопатологов, направлены преимущественно против тех физиологических механизмов, которые выдвигаются теорией Джемса–Ланге и, конечно, ни в какой мере не относятся к самой постановке проблемы или к ее чисто психологическим выводам.

К группе *физиологических* теорий аффективности можно отнести, с одной стороны, теории Бена и Мейнерта, объясняющие аффекты на основе процессов накопления (чувство удовольствия) или истощения (чувство неудовольствия) в кортикальных центрах, необходимых для питания ткани веществ, а с другой стороны, теории построения на основе известного **соотношения** между обоими этими процессами (ассимиляции и диссимиляции). Так, по теории Лемана, виднейшего сторонника последней указанной концепции, мы будем испытывать удовольствие всякий раз, когда величина ассимиляционного процесса будет больше величины процесса диссимиляции, и, наоборот, мы будем испытывать неудовольствие в том случае, если величина ассимиляции окажется меньше величины диссимиляции⁵. Особое место среди этих теорий занимают теории биохимические или glandулярные, например, теория Кернера, рассматривающая чувствования как результат известных химических процессов в организме. Из числа новейших русских авторов, сторонников биохимической точки зрения на аффективные процессы, можно отметить д-ра Васильева, который в своей книге “Очерки по Физиологии Духа” дает объяснение этим процессам на основе деятельности желез внутренней секреции.

В психологии Вундта проблема чувствований нашла свое разрешение в так называемой “трехмерной теории”. По этой теории “цельное чувствование” (Totalgefühl) выражается в трех различных основных формах: удовольствие–неудовольствие, напряжение–разряжение, возбуждение–успокоение. Таким образом, если мы представим себе трехмерную систему координат, крайние противоположные точки которой соответствуют указанным контрастирующим парам “частичных чувствований” (Partialgefühle), то в такой системе мы сможем локализовать любое данное нам в опыте сложное чувствование. Вундт рядом остроумных опытов с метрономом пытался выделить и показать эти “частичные чувствования”. Мы, однако, не думаем, что существование этих форм *как первичных* можно теперь считать установленным. Скорее наоборот, есть основание думать, что эти признаки, кроме удовольствия и неудовольствия, суть ни что иное, как некоторые

⁴ D'Allonnes. R. L'explication physiologique de l'emotion // J. De Psychol. Norm. et pathol. 1906. P. 14–132.

⁵ Lehman. Die Grundgesetze des Menschlichen Gefühlslebens. 1914.

производные качества, происходящие из совокупности различных ощущений, сопровождающих наши эмоциональные реакции⁶. Психология чувствований Вундта представляет для нее особенный интерес, поскольку она связывает аффективные процессы с процессами волевыми. “Нет ни одного акта воли, – говорит Вундт, – в который не входили бы более или менее интенсивные чувствования, соединяющиеся в аффект. Характерное отличие волевого процесса от аффекта заключается, в сущности, лишь в конечной стадии непосредственно предшествующего волевому действию и сопровождающего его процесса”⁷. Эта приписываемая чувствованием действенность и способность образовывать стремления резко ограничивает психологию Вундта от интеллектуалистических теорий, сводящих аффективные процессы к побочным явлениям сознания.

Нам еще придется в дальнейшем много раз возвращаться к отдельным теориям эмоций, особенно к трехмерной теории Вундта и ее критике, а также и к специальным методам изучения аффективных реакций человека, к краткой характеристике которых мы сейчас обратимся.

§ 2

В построении учения о чувствованиях психология, как и в разрешении других проблем, следовала многим принципиально различным между собой методам, соответственно дававшим и неодинаковые по своему значению результаты. Не вдаваясь в тонкости точной классификации их, мы выделим лишь следующие основные методы, которые прилагались и прилагаются ныне к разрешению психологических проблем:

1. Методы умозрительные, философские •
2. Методы эмпирические •
3. Методы физиологические •
4. Методы биологические •
5. Методы патологические.

Говоря об умозрительном методе в психологии, мы имеем в виду, главным образом, методы, которым следовала так называемая философская психология, т.е. психология в периоде своего самого раннего существования, когда она еще не выделилась в самостоятельную научную дисциплину, и ее предмет еще оставался всецело предметом философии. Этот метод, сводившийся преимущественно к рациональному анализу данных нашего повседневного опыта, дал в свое время зарождающейся тогда психологии гораздо больше, чем это обычно принято думать. В частности, и психология чувствований насчитывает среди сво-

их наиболее выдающихся авторов ряд крупнейших философов, которые, с нашей точки зрения, пододвинули эту проблему к ее разрешению гораздо больше, чем многие из ученых, оперировавших естественнонаучными методами. Замечательные учения об аффектах у Аристотеля, Декарта, Мальбранша, Спинозы и других, представляя собой продукт тончайшего наблюдения и анализа, до сих пор, конечно, еще далеко не утратили своего значения. Подходя к этим авторам в наше время и с нашей точки зрения, мы ищем в их теориях не основания для той или иной, нередко теологической, философской системы, а лишь то, что они в действительности собой представляют – многовековой опыт человечества, совокупность наблюдений, сделанных гениальнейшими его представителями.

Эмпирическая психология, оторвавшись от психологии философской, пыталась найти свой собственный метод и нашла его в **самонаблюдении**. Самонаблюдение *par excellence* – это классический лозунг эмпирической психологии. Многократно усложняя интроспективную методику и явно ее переоценивая, эмпирическая школа пришла в конечном итоге к своему апогею – работам Бюрцбургской школы. Самонаблюдение в лабораторной обстановке, порученное “специалистам по самонаблюдению” – психологам – привело, наконец, к тому, что психология грозила сделаться собранием любопытных показаний высококвалифицированных испытуемых.

Реакцией на эту “психологию психологов” явилось новое увлечение строгими экспериментально-физиологическими методами. После появления замечательных работ И. Павлова, заманчивая перспектива обосновать психологию на объективных данных физиологии естественно привлекла целый ряд исследователей. Однако при современном уровне естественнонаучных знаний учение о поведении человека, с нашей точки зрения, не может сводиться исключительно к изучению простейших физиологических механизмов. Человек с его высокой организацией находится в таких сложных, постоянно изменяющихся взаимоотношениях со средой, что его поведением (реакциями на социальную среду) едва ли можно овладеть на этой основе. Это лишний раз подтверждают нам и сами сторонники последнего указанного направления, неизбежно впадая в своих построениях либо в научный агностицизм, либо в область чистой метафизики.

Экспериментальный метод в психологии, являясь, вообще говоря, самым совершенным, вместе с тем, по крайней мере до тех пор, пока он не перестанет быть исключительно лабораторным, никогда не делается единственным. Эксперимент – это еще не психология, и от эксперимента “во что бы то ни стало” нам следует отказаться с

⁶ См. крит. теории Вундта в: Эббингауз. Основы психологии. Т. 2. Гл. 4. § 5.

⁷ Вундт. Введение в психологию. М., 1912. Гл. 2. С. 53.

такой же решимостью, как это мы сделали и по отношению к самонаблюдению, сведя его до степени вспомогательного метода. Это, конечно, не следует понимать в том смысле, что экспериментальные методы должны сделаться побочными. Существует большая разница между экспериментом как **единственной** основой наших построений и экспериментом как **одним** из методов, хотя бы и основным. И может быть, действительно, не так уж был неправ французский физиолог, который выставил следующее, парадоксальное на первый взгляд, положение: “Я считаю, – говорит он в одном месте своей книги, – что барабанчики Мареев сильно повредили последнее время успехам физиологии”⁸.

Наибольший и бесспорный успех в приложении к психологии имели до сего времени методы патологические и биологические. Психопатология, особенно в последнее время, безусловно оказывает необыкновенно серьезное влияние на психологию. Однако увлечение патологическими методами, к сожалению, слишком часто сводится к простому использованию уже достигнутых ими результатов. Такое “использование”, конечно, еще очень далеко от действительного их внесения в научную психологию. Психология должна суметь сама найти для своей работы нужные условия и способы работы; ее материал – взятый в живой действительности человек.

Из числа психопатологических теорий наибольшее значение для психологии аффективности, несомненно, имели психоаналитические учения. Мы, однако, остановимся подробно на разборе психоаналитических и биологических учениях несколько ниже, в связи с общим изложением нашего предмета.

Оба эти направления, столь различные по своей сущности, оказываются, однако, нераздельно связанными между собой, и мы не можем мыслить себе объяснительной психологии без предваряющей ее психологии описательной, как не можем представить себе и физиологии, не основанной на анатомии. В этом смысле мы едва ли окажемся в состоянии с достаточной отчетливостью отграничить их друг от друга; всякое описание явления уже оказывается обыкновенно в известной степени и объяснением его, как и всякое объяснение бывает вынуждено описывать факты с точки зрения самого этого объяснения.

Объяснение необходимо должно следовать за описанием, иначе оно лишается своего значения. Задача науки заключается не только в том, чтобы *познать* тот или иной ряд явлений, но также и в том, чтобы на основе этого знания *овладеть* ими. Главное возражение, которое обычно делает-

ся объяснительной психологии ее противниками, сводится к упреку в том, что она злоупотребляет гипотезами, “возможность проверки которых на психических фактах даже не предвидится”⁹. Действительно, почти всякое объяснение опирается на более или менее обоснованные гипотезы, однако представление о гипотезах в психологии как о фантастических построениях, совершенно неспособных найти свое оправдание в опыте, лишено всякого основания. Недостаточно сослаться на гипотезу, подобную гипотезе психофизического параллелизма, которая очевидно не может быть проверена на фактах, чтобы заключить о несостоятельности гипотетических построений вообще. Гипотезы такого общего характера мы имеем не только в одной психологии, и их наличие ни в какой степени не дает нам права признавать ту или другую область знаний несостоятельной. Что же касается до гипотетических построений иного порядка, вытекающих из прямой необходимости объяснения конкретных явлений и состоятельность которых может быть проверена на фактах, то без них, конечно, невозможна никакая система знаний, в частности невозможна и сама “описательная” психология¹⁰.

Выдвигая известную гипотезу, мы вовсе не считаем, что она ценна постольку, поскольку она может быть в будущем признана аподиктически достоверной. Гипотеза необходима лишь для того, чтобы объединить в систему отдельные явления и наметить те связи и механизмы, на основе существования которых мы могли бы сделать нужные нам выводы. Космографическая система Птолемея, несмотря на ложность ее основной гипотезы, в течение более 1.5 тысячи лет успешно применялась для разрешения космографических задач, и только под давлением новых фактов она должна была уступить свое место заменившей ее системе Коперника. Теория, опрокидывающая старые законы, вовсе не отрицает их значения в развитии научных знаний. В этом смысле гипотеза носит всегда чисто регулятивный характер, и мы говорим не об истинности или ложности ее, а лишь о степени ее состоятельности перед совокупностью фактов и об ее непосредственном значении.

Поведение человека мы мыслим как сложную совокупность его *реакций* на непрерывный ряд раздражителей, получаемых им из внешней среды. Если мы будем рассматривать реакции простейших организмов и растений и, наконец, сложнейшие реакции человеческого организма или даже реакции целой общественной группы, то во всех этих процессах мы обнаружим одну и ту же

⁸ Грассе. Физиологическое введение в изучение философии. СПб., 1909. С. 208.

⁹ Дильтей. Описательная психология. М., 1924. С. 7.

¹⁰ Это признают и сами сторонники принципов описательной психологии; см. указанное сочинение, с. 67.

сущность: это суть особого рода процессы, возникающие и совершающиеся в результате воздействия известной причины на реагирующие тело. Простейшей аналогией с процессом реакции может служить следующее физическое явление: если мы с определенной силой ударим по ножкам камертона, то мы в итоге получим некоторый процесс, обозначаемый нами как звучание. Этот процесс, предполагаемый уже самой структурой данного тела, может изменяться в зависимости от силы внешнего воздействия. Таким образом, мы можем заставить звучать камертон сильнее или слабее, длительно или коротко. В этом элементарном случае реакции физического тела мы имеем совершенно отчетливое выражение ее трех основных, связанных между собой моментов: 1) момент воздействия (удар); 2) качество тела, подвергающегося воздействию (род камертона и его качество) и 3) процесс, возникающий в результате этого воздействия и таким образом его обнаруживающий (звучание). Зная любые два из этих трех моментов, мы можем заключить и о неизвестном нам третьем. Музыкант, ударяющий по клавишам инструмента, с точностью знает, какой интенсивности звучание струны он вызовет; воспринимая определенной силы звук известного нам тела, мы можем судить о силе, на это тело воздействующей; наконец, мастер, отливая колокол, в точности рассчитывает, каким именно тоном и тембром должен он обладать в зависимости от его назначения.

Переходя от приведенной аналогии в область явлений органического мира, мы наблюдаем значительное усложнение всего этого процесса. Реакции живого существа оказываются способными варьировать значительно больше и в количественном, и в качественном отношении; равным образом увеличивается и количество воспринимаемых раздражений; само реагирующее тело уже не представляет собой нечто постоянное, но непрерывно изменяется, как под влиянием внешних воздействий, так и под влиянием внутренних процессов. Если приведенный выше пример мы можем рассматривать как математическое уравнение с одним неизвестным, то в случае реакции живого организма мы уже имеем уравнение со многими неизвестными, причем для решения его нам становятся необходимы некоторые вспомогательные данные. Реакции простейших организмов или растений биолог может предвидеть с почти математической точностью. Заранее учесть характер реакций более высокоорганизованного животного уже труднее, но все же оказывается возможным в довольно широких пределах. Наконец, когда мы имеем дело с человеком или с целым коллективом, мы можем говорить лишь о большей или меньшей степени вероятности нашего, в этом смысле, прогноза. Чтобы заключить о совокупности реакций человека на группу изве-

стных раздражений, нам необходимо знать ситуацию в самом его существе, его качества, нам необходимо учесть его индивидуальный и родовой опыт, иначе говоря, учесть всю массу раньше действовавших раздражителей – задача, кажущаяся на первый взгляд неразрешимой, но, однако, все же с тем или иным успехом постоянно разрешаемая в нашем повседневном опыте... Наблюдая поведение данного человека при определенных обстоятельствах, мы получаем обычно достаточно точное представление о нем, на основе которого мы уже можем предсказать, конечно, довольно грубо, его поведение и при иных, изменившихся условиях.

Точное исследование и изучение механизмов реакций человека, законов их сочетаний и связей, т.е. в конечном счете законов и механизмов, управляющих его поведением, все больше и больше приближает нас к научному решению этой основной для нас проблемы. Мы уже сейчас в состоянии делать в этом отношении чрезвычайно важные для практической жизни выводы. Достаточно вспомнить об удачном разрешении целого ряда задач профессионально-технического отбора, педагогики, вопросов профилактики психических заболеваний и т.п., чтобы глубочайшим образом убедиться в грядущем могуществе научной психологии и представить себе всю широту ее перспектив.

В наше время часто говорят о кризисе, который переживает психология, но при этом почти всегда забывают о том, что кризис – ломка старых учений и появление с разных сторон многочисленных попыток создать новую школу и новое воззрение на предмет – совершается под давлением вновь открытых фактов и вновь сделанных научных завоеваний. Современная психология, несмотря на всю кажущуюся шаткость ее позиций, продолжает обогащаться новыми достижениями и, может быть, скорее, чем когда-нибудь, идет к своей непосредственной цели: овладеть поведением человека.

Всякий акт поведения человека состоит из целой системы целесообразно связанных между собой реакций, среди которых могут быть как реакции на раздражения, непосредственно получаемые из внешней среды, или раздражения, обусловленные известными физиологическими процессами в нашем организме, так и реакции на ранее действовавшие раздражения и в данный момент лишь воспроизведенные в нашем сознании. С точки зрения их механизмов, мы можем разделить реакции человека на 1) простейшие врожденные реакции, присущие всякому человеческому организму и не требующие воспитания; 2) более сложные реакции, хотя также выработанные и закрепленные в родовом опыте, но способные в значительной мере варьировать в зависимости от

индивидуальных условий, и 3) реакции, определяемые содержанием личного опыта и представляющие собой наиболее тонкие механизмы поведения; при этом большинство наших реакций может или сознаться нами, или протекать бессознательно. Приведенные типы реакций, комбинируясь и объединяясь в целые комплексы, образуют отдельные процессы (акты поведения), которые в свою очередь могут быть классифицированы. В частности, среди таких процессов мы отмечаем процессы совершенно особого характера, обозначаемые нами как *эмоциональные* или *аффективные*¹¹.

Простейшим примером описания аффективного поведения может служить следующее, часто цитируемое описание Титченера: “Положим, я сижу у себя за письменным столом, занимаясь своей обычной работой, и смутно сознаю стук экипажа, который проезжает по улице; положим, далее, что этот стук внезапно прерывается пронзительным криком. Я вскакиваю, как если бы этот крик был лично ко мне относящимся сигналом, как будто я ожидал его; я выбегаю на улицу, как будто мое присутствие там является неотложно необходимым. В то время, как я бегу, я имею отрывочные представления: слово “ребенок”, – быть может, во внутреннем произношении, – мгновенный зрительный образ какого-нибудь предыдущего случая, группу кинетических ощущений, которая заключает в себе все мое отношение к представителю администрации уличного движения. Но, сверх того, **я имею массу навязчивых органических ощущений: я задыхаюсь, дышу отрывисто; несмотря на всю поспешность движения, я покрыт холодным потом; я чувствую сильные приступы тошноты.** Однако, несмотря на интенсивное **неудовольствие**, которое захватывает мое сознание, я не представляю себе иного выбора, как идти вперед. Впоследствии при описании этого переживания я мог бы сказать, что я был испуган, услышав крик ребенка”¹².

Подходя к алфавиту цитированного примера (с реактологической точки зрения), мы прежде всего должны отметить, что никаких специально характеризующих состояние аффекта реакций в этом примере обнаружить не можем. Действительно, с объективной стороны, мы имеем в данном случае лишь обычный пример сложной инстинктивной реакции человека, выразившейся в поспешном вскакивании с места и выбегании на улицу – реакции, которая могла иметь место и

при совершенно других обстоятельствах и которая по одному только своему содержанию еще, конечно, не может быть отнесена к числу реакций аффективных. Однако указанный в нашем примере акт поведения сопровождается также некоторыми специфическими физиологическими процессами: изменением дыхания, появлением холодного пота, тошнотой и т.п. Очевидно, эти-то побочные процессы и являются теми особыми признаками, на основании которых мы заключаем о наличии аффекта. С другой стороны, со стороны субъективной, мы открываем еще одно качество этого комплекса реакций – связанный с ним **отрицательный** чувственный тон.

Вообще говоря, любой акт поведения человека может приобрести указанные признаки, характеризующие аффект, который может быть связан, конечно, не только с инстинктивными реакциями, как это мы имели в приведенном примере. Таким образом, аффективные реакции отличаются от прочих реакций нашего организма некоторыми сопровождающими их специфическими соматическими процессами, субъективно выражающимися в появлении того или иного чувственного тона. В этом смысле мы и определяем аффективность как **особое качество, приобретаемое при некоторых специальных условиях реакциями нашего организма.** Из этого определения непосредственно вытекает и наша задача, которая сводится прежде всего к следующим двум моментам: изучению характеризующих аффективные реакции явлений и их механизмов и изучению условий, при которых они возникают.

§ 3

Наиболее бесспорным и очевидным признаком аффективных реакций является сопровождающий их чувственный тон. Это субъективное качество аффективного поведения оказывается единственным **непосредственно** данным нам в нашем опыте. Мы говорим о страхе, гневе, радости, тоске и т.п., имея в виду лишь определенную внутреннюю сторону нашего поведения.

Самое элементарное самонаблюдение позволяет нам выделить состояния, окрашенные положительным чувственным тоном, и состояния, окрашенные отрицательно; с другой стороны, мы знаем, что эти состояния могут длиться или весьма краткий срок, или, наоборот, длиться довольно долго. Таким образом, в конечном счете мы имеем четыре основных типа аффективных состояний: 1. состояния, быстро проходящие и окрашенные положительным чувственным тоном (например, восторг, острое наслаждение и т.п.); 2. состояния, быстро проходящие, но окрашенные отрицательно (страх, ужас); 3. длительные

¹¹В дальнейшем, по соображениям чисто формального характера, мы будем употреблять для этого класса явлений лишь один последний указанный термин, придавая ему различные оттенки; так, мы будем говорить об острых аффективных состояниях, о состояниях длительного аффекта, об аффективно-окрашенных состояниях и т.п.

¹² Титченер. Учебник психологии. М., 1914. Т. 11. С. 155.

состояния, окрашенные положительно (чувство удовлетворения, веселость, радостное настроение); 4. длительные состояния с отрицательной окраской (тоска, чувство неудовлетворенности, грусть и т.п.)¹³.

Эта примитивная классификация, бесспорная именно благодаря своей примитивности, оказывается совершенно достаточной для предварительной ориентировки в нашей проблеме. С другой стороны, всякая более подробная классификация на основе субъективных признаков объективно оказывается мало убедительной, а следовательно и бесполезной. Психология до сих пор еще не знает ни одной общепризнанной классификации, опирающейся на самонаблюдения; с нашей же точки зрения, поскольку самонаблюдение имеет для нас значение, главным образом, как метод, наводящий и лишь ставящий задачу, – построение такой классификации вообще невозможно.

Оставляя пока субъективную сторону аффективных реакций, мы обратимся теперь к их анализу со стороны тех физиологических процессов, которыми они сопровождаются и через посредство которых они находят свое объективное выражение. Уже простое внимательное наблюдение показывает нам, что все соматические явления, связанные с появлением аффекта, сводятся к двум главным группам: это прежде всего резкие изменения в деятельности висцеральной системы и вазомоторной и изменения в деятельности системы мускульно-двигательной. Особенно отчетливую картину соматических изменений, возникающих при аффективных состояниях, дают сильные аффекты.

Так, объятый ужасом человек замирает на месте; его произвольно-двигательный аппарат оказывается парализованным; иногда паралич наступает столь внезапно, что человек падает. Вследствие судорожных сокращений сосудо-сжимающих мускулов кожа лица становится бледной, черты лица расплываются, человек испытывает ощущение холода; иннервация всех вообще произвольных органических мышц чрезмерно увеличена и вызывает судорожное их сокращение; таким образом при сильном страхе наблюдается сокращение мышц кишок и мочевого пузыря, появление “гусяной кожи” на голове (волосы встают дыбом) и т.п.; возбуждение соответствующих нервов обуславливает учащенное сердцебиение или иногда

вызывает даже полное прекращение сердечной деятельности¹⁴.

Положительные аффекты дают картину, совершенно противоположную той, которую мы наблюдаем при аффектах отрицательных. Если в этом последнем случае аффект объективно характеризуется интенсивным торможением произвольно-двигательной сферы и как бы компенсаторным возбуждением системы внутренних произвольных движений, то появление положительного аффекта, например, сильной радости, вызывает как раз противоположные процессы: деятельность произвольно-двигательного аппарата повышается, движения приобретают особую легкость, жестикуляция усиливается, голос делается звучным и сильным; увеличение скрытой иннервации сокращает мышцы лица, и оно становится округленным и подвижным; появляются улыбка и смех. Наоборот, мускулы, связанные с кровеносной системой, ослабевают, просвет кровеносных сосудов увеличивается, происходит усиленный приток крови к органам и тканям тела, лицо краснеет, температура кожи повышается, все жизненные функции совершаются быстрее. В обыденной речи мы говорим в этом случае, что наше субъективное состояние, например страх или радость, вызывает то или иное физиологическое свое выражение. Какая-то сущность, называемая аффектом, чувствованием, эмоцией, заставляет бледнеть нашу кожу или вызывает к ней прилив крови, сковывает наши движения или, наоборот, облегчает их совершение; словом, мы делаем допущение, что наши субъективные переживания могут определять физическое состояние нашего организма. Такое объяснение не могло, разумеется, не встретить возражений со стороны представителей научного знания, и особенно со стороны физиологов.

Общепринятая схема аффективных реакций – 1) раздражение (например, вид медведя), 2) переживание (страх) и 3) физиологические изменения, связанные с этим переживанием (побледнение, атаксия) – была заменена представителями периферической теории другой схемой, в которой два последние члена стояли в обратном порядке. Сторонники этой теории выставили, как известно, следующее парадоксальное положение: мы плачем не потому, что мы печальны, но мы печальны потому, что мы плачем. В этом новом представлении механизм аффективных реакций сводился, таким образом, к сознанию тех телесных изменений, которые вызываются непосредствен-

¹³ Кроме приведенных видов аффективных состояний мы знаем также состояния с перемежающимся чувственным тоном, то положительным, то отрицательным (например, состояние гнева), которые, однако, можно рассматривать как смену отдельных эффеков.

¹⁴ Возможность прекращения сердечной деятельности под влиянием сильного аффекта указывалась многими авторами. В частности, это отмечает Г. Ланге (Душевные движения. СПб, 1886. С. 33). Подробное описание и анализ подобных случаев можно найти у Х. Тьюка (Дух и тело. М., 1888. С. 200–209).

но нашими восприятиями. Это новое воззрение на природу аффективных состояний, пользовавшееся вначале крупным успехом, дальнейшего полного своего подтверждения, однако, не получило, и в наше время можно считать, что, по крайней мере в своем чистом виде, оно уже не встречается более поддержки.

Целый ряд специальных работ, как экспериментальных, так и теоретических, посвященных исследованию внешних выражений аффективных состояний, не привел, в конечном счете, ни к какому положительному взгляду на проблему, поставленную Ланге и Джемсом. Связь наших субъективных состояний с известными физиологическими изменениями не составляет, конечно, ни малейшего сомнения; специфические физиологические изменения **необходимо** сопровождают аффективные реакции, но до сих пор еще трудно сказать, **достаточно ли** их одних для появления соответствующего чувственного тона. Мы, во всяком случае, знаем, что сила субъективного переживания далеко не всегда вполне пропорциональна той интенсивности, с которой происходят сопровождающие их соматические процессы. Равным образом и порядок, в котором следуют друг за другом эти явления, еще не может считаться сколько-нибудь установленным.

Впрочем, с нашей точки зрения (с точки зрения монистического подхода к поведению человека), этот вопрос во многом уже лишается своего значения: говоря о физиологии аффектов, мы должны иметь в виду, что и те процессы, которые мы называли процессами сознания, *суть также процессы физиологические*, иначе говоря, вопрос стоит не о влиянии сознания, “духа” на тело, или наоборот, а о влиянии нервных процессов одной категории на нервные процессы другой категории. В этом смысле мы склонны предполагать наличие некоторого *взаимодействия*, которое несомненно вероятнее и гораздо больше согласуется с общепсихологическими законами, чем зависимость, обнаруживающаяся только в одном направлении.

Проблема локализации механизмов аффективных состояний, по крайней мере в той форме, в которой она обыкновенно ставится физиологией, т.е. проблема локализации механизмов, управляющих изменениями в вазомоторной и висцеральной системах, связанных с тем или иным аффектом, едва ли может здесь нас занимать. Так или иначе, всякое раздражение, способное вызвать аффективные реакции, неизбежно вызывает процессы в кортикальных центрах, откуда возбуждение уже может распространиться дальше, на центры сосудо-двигательного выражения и на центры мимики. Аффективные процессы, их качество, интенсивность и их значение зависят не только от их чисто соматической стороны, но главным образом от процессов, совершающихся

в полушариях головного мозга и представляющих собой основной механизм аффективного поведения, которое должно рассматриваться, как и всякий другой вид поведения, с точки зрения изучения целостных реакций.

Связь аффективных состояний с особыми изменениями в организме дала возможность экспериментального их изучения на основе исследования этих изменений. Считая, что субъективное переживание непосредственно связано с его объективным выражением, экспериментальная психология, оставляя неразрешенной проблему первичности и их взаимных соотношений, стала строить все изучение аффективности на этой представлявшейся безусловной базе.

Вопрос о выражении аффективных переживаний, казалось, должен был найти свое окончательное разрешение в появившихся многочисленных обширных монографиях и специально составленных атласах. Весьма тщательному изучению тонкими экспериментальными методами подвергались изменения дыхания, пульса, кровенаполнения; появились сложная методика их регистрации и специальные способы вызывания необходимых для опыта переживаний. Впрочем, эта последняя сторона эксперимента оставалась до последнего времени мало удовлетворительной. В распоряжении экспериментаторов находились хотя и многочисленные, но весьма неполноценные методы воздействия на испытуемого.

Реакции на приятные или отвратительные вкусовые, обонятельные или слуховые раздражители с большим трудом можно было назвать реакциями **аффективными**, т.е. отождествлять их с теми реакциями, которые вызываются у человека соответствующими реальными, не лабораторными условиями. Не говоря уже о таких, несколько наивных, способах как кормление испытуемого вареньем, чтобы вызвать у него необходимое состояние, мы можем подвергнуть большому сомнению и более энергичные методы, употреблявшиеся в эксперименте. Внезапный выстрел из револьвера в лабораторной обстановке и тот же выстрел ночью на пустынной улице – вещи совершенно различные, которые несомненно должны вызвать и столь же различные реакции.

Человек реагирует в действительности не на изолированное раздражение, а на целую ситуацию, на сложный комплекс впечатлений, закономерно связанных друг с другом, причем отдельно действующие на него моменты оцениваются им, главным образом, с точки зрения всей этой ситуации. В этом смысле гораздо удачнее было изучение отражения уже имевшихся налицо состояний испытуемых, хотя и такое изучение было еще очень далеко от своего идеала. Впрочем, несмотря на свое очень относительное совершенство, эти эксперименты так или иначе достигали своей

цели, и изучение симптомов таких условно-аффективных состояний, безусловно, удавалось. Теперь мы уже имеем достаточно разработанную симптоматику аффективных переживаний, но ей, однако, не свойственно необходимое однообразное толкование ее у различных авторов.

Чтобы понять причины возникших противоречий, нам необходимо пересмотреть те предпосылки, на которые опирались исследователи аффективности. Прежде всего, как мы уже отмечали выше, к исследованию выражений аффективных состояний подходили на основе признания безусловной и непосредственной взаимосвязи их. С другой стороны, совершенно необходимым оказывалось утверждение, что на изучаемые изменения в соматических процессах **не могут** влиять никакие иные состояния или переживания и, наконец, что данные самонаблюдения, ибо только в них можно было найти материал для оценки полученных в опыте результатов, оказываются достаточно надежными, – положение, которое мы *a priori* можем поставить под сомнение.

Следует отметить и еще одну сторону проводимых исследований. Мы уже знаем, что аффекты отражаются не только в области произвольных движений, но равным образом и на произвольно-двигательных актах, – что обычно недостаточно, а иногда и вовсе не изучалось. Это обстоятельство особенно важно потому, что самый факт отражения аффективных состояний на произвольных движениях указывает нам на их связь с волевыми процессами¹⁵. Очевидность наличия этой связи и заставила Вундта и всю его школу ввести в свою теорию чувствований моменты “напряжение–разряжение” и “возбуждение–успокоение”, моменты, безусловно, волевые. Уже одним этим первая и самая важная предпосылка исследования была поколеблена. Если волевые моменты как-то входят в состав чувствования, то, спрашивается, можем ли мы с уверенностью говорить о непосредственной связи аффективных переживаний, как они понимались в то время, с наблюдаемыми симптомами? Не играют ли здесь некоторую, а может быть и основную роль именно эти моменты, т.е. не может ли оказаться изучаемая связь явлений **не прямой**?

Наши сомнения еще больше укрепятся, если мы спросим себя, что конкретно понимал Вундт под термином *Partialgefühle* – частичное чувствование? Вундт говорит, например, об эмоциях ожи-

дания, причем основным признаком ее считает момент “напряжение–облегчение”. Как следует понимать эту, по терминологии Вундта, “форму эмоций” – не вызывается ли она лишь подавлением активности и последующим ее разрядом? – Очевидно, так, т.е. в данном случае мы имеем типично волевой процесс. Изучение эмоций, обозначаемых Вундтом как эмоции “возбуждение–успокоение”, приводит примерно к таким же выводам. И в этом случае мы наблюдаем столь же существенную роль процессов, связанных с активностью организма, с его “установкой на активность”. Таким образом, все наблюдаемые симптомы могут зависеть не от интересующих нас переживаний, а от приводящих волевых моментов, что легко допустимо, так как и такие процессы, как, например, процессы внимания, могут равным образом найти свое выражение в тех же соматических изменениях, что, безусловно, опровергает вторую отмеченную предпосылку исследований.

Наиболее чистая форма переживаний аффективных состояний, в обычном их понимании, присуща эмоциям “удовольствие–неудовольствие”. По классической формулировке Вундта, “пульс от удовольствия становится длиннее и выше, от неудовольствия – короче и ниже”, однако по исследованиям других авторов это положение не нашло своего полного подтверждения. Для дальнейшего весьма важно при этом отметить тот факт, что на изучаемых соматических процессах в очень значительной степени отражается характер реакций испытуемого на предъявляемое ему раздражение. Так, если испытуемому кладут в рот варенье с инструкцией его не проглатывать и он, по соображениям исследователей, основанным на показаниях самонаблюдения, переживает состояние удовольствия, то кривая его пульса вопреки ожиданиям не изменяется. Наоборот, если испытуемому предлагается проглотить варенье, кривая пульса оказывается заметным образом измененной. Аналогичные результаты дают и опыты с реакцией сжатия руки на предъявляемые приятные запахи.

Интересная и очень убедительная работа покойного теперь психолога А.А. Каэласа дает прочное основание критике теории Вундта по всем только что разобранным пунктам. Его выводы, опирающиеся на большой фактический материал, полученный в экспериментах с чрезвычайно тонкой регистрацией соматических явлений, – в чем автор имел случай лично убедиться, просматривая его записи, – ставят под вопрос всю ранее проделанную работу в области экспериментального изучения эмоций и приводят нас к признанию, что “между всеми вообще чувствованиями и переменами в организме никакой прямой

¹⁵В этом случае, как и ниже, мы сохраняем терминологию классической эмпирической школы. С реактологической точки зрения, выделять в особую группу волевые, в общем смысле этого слова, процессы очевидно нецелесообразно, поскольку самое понятие реакции уже содержит в себе момент активности. Говоря о волевых процессах, мы таким образом хотим лишь подчеркнуть в данном акте наличие внешней активности, обусловленной сознательными процессами.

связи нет, а следовательно, вся симптоматика чувствований – сплошное недоразумение”¹⁶.

Что же, в конечном счете, изучалось прежними исследователями под понятием аффективных переживаний, чувствований, эмоций? Не фикция ли сами эти понятия, поскольку мы не имеем даже прямого объективного выражения соответствующих им явлений? Действительно, наши субъективные состояния, которые мы обозначаем как аффекты или аффективные переживания, как будто вовсе не имеют той своей стороны, которая единственно делает возможным их строгое научное изучение. Однако при ближайшем рассмотрении это оказывается, конечно, далеко не так. Прежде всего мы должны отметить, что сама постановка вопроса в данном случае неправильна. С нашей точки зрения, мы вообще не можем говорить в научном смысле об **изолированном** переживании, которое, разумеется, есть фикция. Только к этому убеждению еще лишний раз приводят нас наши выводы. Аффекта как отдельного, не связанного с общими процессами реакции состояния не существует; то переживание, которое мы постоянно испытываем в нашем повседневном опыте, всегда нам дано в процессе реакции **как момент, ее характеризующий**. Реальность и значение этого переживания ни в какой мере, очевидно, не подвергается сомнению, но оно само становится собой лишь постольку, поскольку оно входит как компонент в целостный акт поведения.

Установленная зависимость чувствований от так называемых волевых процессов, т.е. состояний активности организма, самоочевидна, и эта зависимость открывает нам новые перспективы их изучения и их нового понимания. Совершенно особый интерес приобретает для нас вопрос о связи аффективных состояний, т.е. состояний, при которых реакции организма приобретают специфические, характеризующие их качества, с общим взаимодействием между организмом и средой. Это взаимодействие, выражающееся в постоянном приспособлении организма к условиям окружающей среды (момент воздействия среды на организм) или, наоборот, в изменении среды путем активного воздействия на нее со стороны самого организма, есть основной жизненный процесс, подчиняющий себе все прочие отправления организма. Всякое проявление активности, всякий волевой акт оказывается направленным на поддержание того равновесия между организмом и средой, которое обусловлено их взаимодействием. В дальнейшем мы и перейдем к анализу актов аффективного поведения с точки зрения их связи с этим общим процессом и его отражением на других процессах организма.

¹⁶Каэлас. К вопросу о природе и выражении эмоций // Психологическое обозрение. М., 1917. Т. 1. Вып. 3–4.

§ 4

Связь между аффективными состояниями и деятельностью организма отмечалась много раз как в философской, так и в психологической литературе. Сделавшееся теперь классическим деление наших состояний на **стенические** и **астенические** (Кант) обязано своим происхождением именно такого рода зависимости.

Даже самое поверхностное наблюдение дает нам основание думать, что отрицательный чувственный тон появляется в связи с относительным понижением общей целесообразно направленной активности организма и, наоборот, положительно окрашенные состояния свойственны организму при повышенной его деятельности, безразлично выраженной или невыраженной во внешних движениях. Как мы уже видели, с этим положением совершенно согласуются и данные физиологического анализа актов аффективного поведения. Соматические изменения, характеризующие появление того или иного чувственного тона, необходимо сопровождаются в нормальных условиях более или менее резко выраженными изменениями в процессах общей активности индивида. Страх, ужас парализуют, выражаясь фигурально, всякое проявление активности; наоборот, такие состояния, как радость, восторг, всегда предполагают повышенную деятельность. Длительные состояния грусти, тоски, неудовлетворенности обыкновенно связываются в нашем представлении с вялостью в действиях, иногда даже с полным отсутствием всякой деятельности; переживания счастья, удовлетворенности, сознания успеха и т.п. характеризуются, как мы знаем, проявлением известной активности, бодростью, готовностью действовать.

У человека, испытывающего отрицательно окрашенное аффективное состояние, всякая деятельность значительно затруднена. Например, при психотехнических опытах работа испытуемых качественно обычно очень понижается, когда экспериментатор умышленно вводит какое-нибудь раздражение явно неприятного характера – резкое замечание, выговор или что-нибудь аналогичное. С другой стороны, мы знаем, какое в этом смысле значение может иметь изменение настроения субъекта в положительную сторону под влиянием похвалы, ободрения и т.п. Не в меньшей степени наши субъективные переживания связаны и с так называемой чисто умственной деятельностью, которая оказывается подавленной всякий раз, когда испытуемый переживает неприятное состояние, и повышается при состояниях приятных. Так, скорость ассоциаций, по данным одного американского исследования, менялась при различных настроениях испытуемых примерно в таких пределах: в нормальном состоянии – 0.338 с, при приятном состоянии (настроении) – 0.204 с, при неприятном – 0.500 с. Или, как это было в другом случае, с еще большей отчет-

ливостью: норма – 0.252 с, при приятном состоянии – 0.193 с, при неприятном – 0.457 с¹⁷.

Понимая под термином “аффективность” известное качество, приобретаемое при некоторых условиях реакциями нашего организма, мы можем, в соответствии с установленной выше зависимостью, различать два взаимно противоположных типа аффективных состояний: состояния, связанные с известным понижением целесообразной активности организма, сознаваемые нами как состояния отрицательно окрашенные, и состояния, связанные с относительным повышением активности, сознаваемые нами как состояния положительно окрашенные.

Понижение активности организма, отсутствие необходимых реакций или даже полное торможение произвольно-двигательной сферы (например, парализованность движений при страхе), очевидно, имеет свои причины либо в самом организме, либо в условиях окружающей среды. Так или иначе, и в том, и в другом случае мы, в конечном счете, имеем дело с невозможностью для организма реагировать, иначе говоря, правильно, закономерно и целесообразно отвечать на получаемые им раздражения. Человек, как и всякий вообще живой организм, живет, непрерывно приспосабливаясь к постоянно изменяющимся условиям окружающей среды. В этом смысле он находится в непрерывно колеблющемся равновесии с окружающим его миром раздражений, целесообразно отвечая на всякий новый стимул, на всякое новое раздражение. Живой организм, лишенный возможности реагировать, т.е. восстанавливать это нарушающееся равновесие, обречен на почти мгновенную гибель. Как и всякий жизненный процесс, наши реакции в своем последнем основании могут быть сведены к механизму подобной непрерывной приспособляемости к внешним условиям.

Даже самые элементарные физиологические процессы человека суть ни что иное, как выражение необходимой тенденции организма поддерживать нужное для его существования равновесие, приспособляя, по терминологии Спенсера, свои внутренние отношения к отношениям внешним. Блестящим примером процесса, поддерживающего равновесие между организмом и средой, может служить процесс теплопродукции нашего тела, чрезвычайно тонко изменяющейся в зависимости от колебаний температуры окружающей среды. Если организм оказывается не в состоянии поддерживать, после известного предела, это необходимое для него равновесие, т.е. оказывается **недостаточно приспособленным** к изменившимся внешним условиям, он неизбежно перестает существовать. То, что вполне очевидно в отношении

простейших форм приспособления, является справедливым и по отношению к самым уточненным его формам. Человек, попавший в новую, неблагоприятную для него ситуацию, должен, для того чтобы восстановить нарушенное равновесие, возможно скорее приспособиться к ней, т.е. получить возможность реагировать наиболее целесообразным для него образом.

Что же с этой точки зрения происходит с человеком, переживающим отрицательно окрашенное аффективное состояние, и в каком отношении связано и связано ли вообще понижение его активности с изменением условий внешней среды, объективно вызвавшим это состояние? Для разрешения этого вопроса обратимся снова к примеру переживания сильного страха. Безоружный и одинокий человек встречает медведя, все его реакции приобретают известное специфическое качество, он как бы замирает на месте, и мы правильно предполагаем, что он переживает страх. Причиной его страха обычно принято считать самый момент восприятия медведя, однако при ближайшем анализе нам необходимо будет несколько уточнить это положение. Сам по себе вид медведя является еще совершенно недостаточным поводом к переживанию; необходимо, чтобы объект, вызывающий страх, состоял бы в определенном **отношении** к личности переживающего.

Представим себе, что эта встреча произошла при каких-нибудь специальных условиях, например, человек увидел бы этого же самого медведя в поле во время поездки верхом на лошади – ничего, конечно, кроме любопытства, эта встреча вызвать бы не могла, разумеется, в том случае, если он на основании прежнего опыта мог заключить о своей полной, при данных обстоятельствах, безопасности. В чем же состоит разница между этими двумя ситуациями, вызывающими столь различные реакции? Очевидно, в первом разобранном случае человек является **недостаточно приспособленным** к условиям такой встречи, т.е. оказывается не в состоянии **целесообразно реагировать**, его активность необходимо понижается, подобно тому, как прекращается работа машины, приспособленной для резки дерева, когда в нее попадают металлические предметы; наоборот, во втором случае целесообразные реакции возможны, иначе говоря, он оказывается вполне приспособленным к этому новому действующему раздражителю, и его психофизиологический аппарат продолжает действовать с прежней закономерностью.

Такую же точно зависимость между переживанием аффективных состояний и степенью нашей приспособленности к внешним условиям можно обнаружить и во всяком другом субъективно отрицательно окрашенном акте аффективного поведения. Смерть близкого человека, внезапно лишающая нас привычных условий и сделавшегося необходимым общения, т.е. момент, резко нару-

¹⁷Приведенные данные взяты из работ Е. Карамзиной и В. Суховой “Влияние настроения на характер и быстроту ассоциаций” // Вестник психологии. 1904. Кн. 8.

шающий то равновесие, к которому мы постоянно стремимся, вызывает, с нашей точки зрения, тяжелые переживания именно потому, что в этом случае мы лишены возможности *целесообразно* действовать. Единственным в этом смысле полноценным фактом было бы воскрешение умершего – акт, который мы не можем совершить в силу нашей полной к нему неприспособленности. Всякий раз, когда внешняя среда воздействует на организм таким образом, что это воздействие не благоприятствует нашим инстинктивным стремлениям, когда возникает конфликт между личностью, руководимой инстинктом сохранения существования в его самых разнообразных проявлениях, и средой, чаще всего средой социальной, этот конфликт неизменно ведет к своему логическому результату – понижению целесообразной активности и, следовательно, к отрицательно окрашенным с субъективной стороны переживаниям.

Чем менее в данную минуту приспособлен человек к жизненным обстоятельствам, чем малоценнее его возможные реакции, тем более резко окрашено отрицательным чувственным тоном его поведение. Хорошо подготовленный студент идет на серьезный экзамен в относительно спокойном состоянии, наоборот, студенту, чувствующему себя недостаточно подготовленным к этим условиям, свойственны самые неприятные переживания. Мы все очень хорошо знаем то отрицательное чувство, которое сопровождает всякое проявление нашей несостоятельности: «Ряд неудач мысли вызывает такое же болезненное чувство, как неудача мускульного напряжения при любой ручной работе. Учащийся, долго и напрасно старающийся понять какую-нибудь проблему; поэт, недовольный своими стихами; мыслитель, ставший в тупик и потерпевший неудачу в своих построениях; полководец, сомневающийся в правильности своей тактики, – все они испытывают страдания, тревоги и конфликты». «Затрудненное припоминание, – говорит тот же автор, – составляет частный случай неудачных попыток; оно вызывает более или менее разлитое чувство страдания, присущее этой форме конфликта; с ним сходны мучения, трудности, понимания и творчества»¹⁸.

Препятствия к удовлетворению какого-нибудь из наших инстинктов, лежащие в действии инстинкта противоположного, связаны с самыми неприятными переживаниями¹⁹. И в этом случае мы сталкиваемся с тем же самым механизмом аф-

фективного поведения, что и во всех остальных возможных примерах: обнаружение нашей недостаточности и связанное с этим обнаружением относительное понижение целесообразно направленной активности вызывает соответствующее отрицательно окрашенное переживание.

Говоря о понижении активности организма или даже о полном ее подавлении, мы в данном случае имеем в виду отсутствие необходимых реакций, протекающее лишь **из невозможности правильно реагировать**, а не обусловленное специальными обстоятельствами (например, необходимостью отдыха, сна и т.п.), при которых наиболее целесообразным актом поведения является как раз прекращение всякой произвольной деятельности. Вся относительность понятия понижения активности совершенно отчетливо вскрывается выдвигаемым нами принципом нарушающегося равновесия между организмом и средой. Поскольку получаемые раздражения компенсируются организмом в соответствующей отдаче, выражающейся в его реакциях, необходимое равновесие сохраняется; наоборот, если это взаимодействие нарушается и внешние условия начинают преобладать над личностью в том отношении, что ее стремления под влиянием этих условий отбрасываются и не находят своего осуществления, – мы говорим об отрицательном нарушении равновесия. Очевидно, что понижение активности организма, в нашем условном значении этого слова, предполагает понижение ее только в сравнении с возможным идеальным поведением при данных обстоятельствах, т.е. понижение в отношении ценности ее как акта приспособления к внешним условиям. В случае сильного аффекта, обнаруживающего нашу совершенную неприспособленность, произвольная деятельность организма падает в прямом, физическом смысле слова – «опускаются руки», по известному остроумному выражению. В более сложных положениях, возможных на высоком уровне развития человека, это физическое проявление нередко сглаживается: активность организма сохраняется, но перестает быть вполне адекватной вызвавшим ее условиям и тем самым лишается своей целесообразности.

Примером, как нельзя лучше подтверждающим наше воззрение на природу аффектов, могут служить случаи переживания страха при столкновении с «необъяснимыми явлениями», т.е. явлениями, которые не имеют себе подобных в нашем прежнем индивидуальном или социальном опыте, и которые, следовательно, из него не могут быть поняты. Дикарь, приходящий в ужас при виде путешественника, снимающего парик, или при встрече с незнакомым ему животным – лошадью, деревенский ребенок, испугавшийся поезда, или цивилизованный взрослый человек, побледневший при виде какого-нибудь в первую минуту совершен-

¹⁸Бэн А. Психология. М., 1906. Т. 2. С. 78.

¹⁹Теория аффектов, выдвигаемая в последнее время М. Сигду, считает такое столкновение инстинктов основным моментом в образовании аффектов. Это воззрение несколько, разумеется, не противоречит развиваемым нами мыслям, но, с нашей точки зрения, оно слишком суживает проблему, рассматривая только те аффективные переживания, которые могут таким образом трактоваться, и исключая, в частности, все так называемые высшие эмоции.

но необъяснимого и “загадочного” феномена, – все они выражают в аффекте страха свою неприиспособленность, обусловленную чисто внешним моментом: чуждостью раздражителя. Быть неприиспособленным к данному действующему раздражителю – иногда значит просто быть не в состоянии найти ему место в содержании личного опыта, не быть в состоянии **познать** его, т.е. не иметь возможности **ассоциировать** этот раздражитель. Это положение может быть так же понятно, как частный случай возникновения отрицательного чувственного тона из задержки в течении представлений (ассоциаций), которая, как мы увидим дальше, всегда сопутствует появлению отрицательного аффекта.

Неожиданное действие какого-нибудь комплекса раздражителей нередко вызывает внезапно появляющиеся и столь же быстро проходящие отрицательно окрашенные аффективные состояния (например, неожиданное прикосновение, крик и т.п.). В этом случае аффекта неприиспособленность организма выражена в чисто физиологической невозможности реагировать с достаточной скоростью, если наше внимание отвлечено на другой предмет. Действительно, как только действующий раздражитель воспринят с достаточной отчетливостью, неприятный чувственный тон и связанное с ним оцепенение пропадают. Иногда это состояние длится лишь незначительную часть секунды – время, потребное организмом для того, чтобы перестроить свою внутреннюю установку и таким образом приспособиться к восприятию нового стимула.

Подавление произвольной активности и связанное с ним появление отрицательного чувственного тона происходит также всякий раз, когда человек сталкивается с ситуацией, которую он не может правильно оценить и избрать наиболее целесообразную для него линию поведения. Выражение “не знаю, что делать” великолепно характеризует это знакомое каждому состояние. “Нет ничего хуже, как ожидание, лучше уж сразу получить страшное известие”, говорят обычно в соответствующих случаях, невольно подчеркивая неприятное состояние невозможности целесообразно действовать. С особенно субъективно тяжелыми переживаниями связано, как известно, сознание неуверенности, неопределенности своего положения и другие аналогичные состояния, обязанные своим происхождением нашей недостаточности перед лицом внешних обстоятельств.

Наиболее сложный момент нарушения равновесия между личностью и внешними условиями его существования, момент скрытой несостоятельности индивидуума при его столкновении с социальной средой, находит свое выражение во внутреннем конфликте. Данные новой жизненной ситуации, проецируясь в сознании человека, иногда оказываются несовместимыми с его преж-

ним опытом; коллизия, которая при встрече внешних препятствий происходила вне организма, переносится теперь в самую личность; конфликт со средой разыгрывается на новом поле действия, причем среда воздействует на организм как бы через посредство его самого. Недовольство собой, угрызения совести и десятки других названий существуют для выражения того субъективного состояния, которое охватывает в подобных случаях человека. И эта форма конфликта равным образом обусловлена недостаточной приспособленностью личности и оказывается так же связанной с нарушением его произвольной целесообразно направленной деятельности.

Таким образом, отрицательно окрашенные аффективные состояния могут, как это мы видели, происходить из многих различных, но объединенных единым принципом условий: 1) из невозможности реагировать в направлении осуществления наших стремлений (момент внешнего препятствия); 2) вследствие нашей неподготовленности к восприятию чуждой нам группы раздражителей (момент необъяснимого); 3) в результате недостаточно быстро совершающегося приспособления и ответа на внезапно действующие раздражители (момент внезапности); 4) вследствие неспособности целесообразно реагировать по причине незнания действительной ситуации или из-за неспособности ее оценить (момент неопределенности) и, наконец, они могут быть обусловлены 5) несовместимостью нашего прежнего опыта с данными опыта, вновь приобретенного (момент внутреннего конфликта).

Все эти перечисленные формы конфликта имеют одно и то же основание – недостаточную приспособленность организма к условиям внешней среды – и приводят к одному и тому же результату – к нарушению и подавлению актов целесообразно направленной активности. Когда равновесие между личностью и средой, основывающееся на правильном отношении между основными физиологическими процессами организма – торможением и возбуждением – оказываются нарушенными, т.е. реакции организма, направленные на его восстановление, становятся невозможными или не достигающими полностью своей цели, организм субъективно испытывает отрицательно окрашенные переживания, которые всегда выражают его полную или частичную несостоятельность. В зависимости от тех условий, которые окрашивают реакции человека в отрицательный чувственный тон, его переживания могут быть более или менее длительными, то протекая мгновенно, то овладевая им на целые месяцы и годы, как это мы наблюдаем, например...